

Дианова 2004 — *Дианова Т. Б.* Текстовое пространство фольклора: методологические замечания к проблеме // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3. 2004. С. 5—17

Неклюдов 1995 — *Неклюдов С. Ю.* После фольклора // Живая старина. № 1. 1995. С. 2—4

Неклюдов 2003 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003.

Панченко 2005 — *Панченко А. А.* Фольклористика как наука // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Т. 1. М., 2005. С. 72—95.

Поздеев 2005 — *Поздеев В. А.* «Третья культура». Фольклор. Постфольклор // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. М., 2005. Т. 1. С. 300—308.

Русское народное творчество 1966 — Русское народное творчество. М., 1966

Соколов 1938 — *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. М., 1938.

Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Фольклор и этнолингвистика // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. М., 2005. Т. 1. С. 118—131.

Толстой 1996 — *Толстой Н. И.* От А. Н. Веселовского до наших дней // Живая старина. № 2. 1996.

Ben-Amos 1971 — *Ben-Amos D.* Toward Definition of Folklore in Context // Journal of American Folklore. 1971. № 84. P. 3—15.

Bronner 2006 — *Bronner S.* Folk Logic: Interpretation and Explanation in Folkloristics // Western Folklore. 2006. № 4. Vol. 65. P. 401—504.

Dorson 1959 — *Dorson R.* American Folklore. Chicago, 1959.

Dundes 1965 — *Dundes A.* What is Folklore? // The Study of Folklore. N. J. 1965.

Dundes 1969 — *Dundes A.* Devolutionary Premise in Folklore Theory // Journal of the Folklore Institute. № 6. 1969. P. 5—19.

Dundes 1980 — *Dundes A.* Who are the Folk? // Interpreting Folklore. Bloomington; Indianapolis. 1980. P. 1—19.

Dundes 2005 — *Dundes A.* Folkloristics in the Twenty-First Century // Journal of American Folklore. 2005. № 118. P. 385—408.

Fine 1984 — *Fine E.* Folklore Text. From Performance to Print. Bloomington; Indianapolis. 1984.

Kononenko 2008 — *Kononenko N.* Using Digital with Interviews // Folklorica. 2008. Vol. 8. P. 167—173.

Mechling 2006 — *Mechling J.* Solo Folklore // Western Folklore. 2006. № 4. Vol. 65. P. 434—453.

Oring 1986 — *Oring E.* Folk Groups and Folklore Genres. An Introduction. Logan Utah, 1986.

Oring 2006 — *Oring E.* Missing theory: Interpretation and Explanation in Folkloristics // Western Folklore. 2006. № 4. Vol. 65. P. 455—465.

Реплики к статье

И. Е. Головахи-Хикс

**«Современная фольклористика:
к вопросу о базовой теории
и новых методологических
подходах в полевой работе»**

К. А. БОГДАНОВ

РОССИЙСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА МЕЖДУ «МЕЛКИМИ ПРОБЛЕМАМИ» И «БОЛЬШОЙ ТЕОРИЕЙ»

По своему риторическому оформлению статья И. Головахи-Хикс написана как несколько патетичный протест против очевидной, по ее мнению, тенденции российских фольклористов предпочитать «широкое» понимание фольклора узкому, а частные методы и теоретические концепции ad hoc — созданию генерализующей («базовой») теории фольклористики. Принять на веру эти обстоятельства читателю предлагается с оглядкой на «яркие и неординарные концепции С. Адоньевой, С. Азбелева, К. Богданова, С. Неклюдова, А. Панченко, С. Толстой». Мне, конечно, лестно видеть свое имя в этом ряду, но «Plato amicus sed».

Головаха-Хикс убеждена и стремится убедить читателя в том, что «на современном этапе развития фольклористики наблюдается парадоксальная ситуация: с одной стороны, фольклор активно бытует в городской и сельской среде в самых что ни на есть традиционных формах (сказки, песни, частушки, анекдоты, демонологические нарративы, приметы, суеверия, обряды и ритуалы), с другой стороны, фольклористы в один голос утверждают, что традиционного фольклора на рубеже XX—XXI вв. уже не существует». Это убеждение представляется автору столь само собой разумеющимся, что остается удивляться, почему российские фольклористы настаивают на обратном. 121

Недоумеваю и я: ведь большинство моих коллег являются полевиками и проводят недели и месяцы в ежегодных экспедициях. Как они могут не видеть очевидных вещей? Мы, конечно, не в суде, но распространение заведомо ложной информации не красит никого, тем более, если оно приводит к вредным последствиям. А это, похоже, так и есть, поскольку, по сокрушенному признанию Головахи-Хикс, опрашиваемые российскими фольклористами и, по-видимому, науськиваемые ими же деревенские информанты с готовностью распространяют те же слухи.

Коллективное заблуждение, царящее в российской фольклористике, объясняется Головахой-Хикс, впрочем, отчасти шадящим образом: в своих рассуждениях о размывании традиционного фольклора российские фольклористы вольно или невольно переповторяют заявления своих американских коллег сорока-тридцатилетней давности. В ретроспективе фольклористической науки именно они и повинны в «разрушении» «традиционного понимания задач, предмета и методов фольклористики». Как обстоит дело с фольклором в Северной Америке, Головаха-Хикс не сообщает, но нужно думать, что и там «фольклор активно бытует в городской и сельской среде в самых что ни на есть традиционных формах». Ко вреду для науки заокеанские рассуждения оказались заразительными, препятствуя российским исследователям видеть саму жизнь и объясняя, почему некоторые из них, например, В. Поздеев, пребывают в предосудительно излишних раздумьях о «постфольклорной культуре». Текст статьи Головахи-Хикс при этом краток, но зато и доходчив: если современные российские фольклористы вслед за Дандесом, Бен-Амосом, Орингом и другими еретиками в стане исследователей народной культуры наводят сегодня тень на плетень, сбивая с толку доверчивых коллег-гуманитариев, то в прошлом таких споров не возникало, а сама фольклористика, зародившись «приблизительно полтора века назад», «мирно» просуществовала «более столетия».

На этом месте любознательный читатель мог бы вероятно удивиться: о какой такой фольклористике говорит автор — о российской, советской, европейской (французской, бельгийской, английской

etc.), мировой? Мне, во всяком случае, новость о предметной и теоретической согласии в стане фольклористов на протяжении ста пятидесяти лет совершенно внове. Но не буду спорить: возможно, речь идет о какой-то такой фольклористике, которая просто не попала в поле зрения тех ее историков, которых я читал. Впрочем, один период исключительно «мирного» существования фольклористики я знаю. В очень условном исчислении это 1950-е — 1970-е годы: кажется, только тогда советские фольклористы, уже разобравшись с идеологическими и методологическими шатаниями в своем собственном лагере и зажмурившись от западной скверны, смогли заняться привычными сюжетами, призванными иллюстрировать пусть и расплывчатое, но зато и необсуждаемое представление об «устном народно-поэтическом творчестве». Замечательным образом на тот же период падает и «мирное» существование теории, базовый статус которой равно удовлетворял и фольклористов, и историков, и социологов, и даже физиков. Напомню, что сведения об этой теории были легкодоступны: собрания сочинений (а то и проще — сборники цитат) Маркса-Энгельса-Ленина, постановления партийных пленумов и съездов и директивные указания о фольклоре, исходящие от ученых администраторов научно-исследовательских институтов и педагогических вузов.

Я, конечно, далек от мысли полагать, что Головаха-Хикс призывает к возрождению или созданию столь же широкой научной доктрины, каковой был марксизм в его советском изводе. Но все же вопрос о масштабируемости чаемой ею теории не излишен: что именно должна объяснить такая теория? И в какой мере она должна быть операциональна, чтобы — пусть и с оговорками — удовлетворять тех, кто не торопится в своей работе руководствоваться приводимым Головахой-Хикс цветистым высказыванием Ю. Соколова о фольклоре как «громком голосе настоящего» (забавно то, что Головаха-Хикс сочувственно цитирует в данном случае слова, подразумевавшие в 1938 году прокламируемый расцвет «нового» советского фольклора).

Вероятно, одним из подступов к базовой теории фольклора следует считать

упоминаемую Головахой-Хикс книгу Александры Брицкой «Украинская устная традиционная проза: вопросы текстологии и исполнительства». Я готов порадоваться за исследователей, занимающихся фольклорной прозой, что в их распоряжении теперь есть исключительно важная работа, но все же рискую спросить, в какой мере книга о фольклорной прозе может быть полезной для исследователей, предположим, фольклорной песенной лирики. Вопрос этот не праздный, поскольку давно замечено: чем шире концептуальная схема, тем она менее детально и менее последовательно. Так было и с марксизмом: будучи призванным равно объяснять происходящее в истории, экономике, культуре и т. д., он в конечном счете перестал объяснять происходящее в них в деталях, сохраняя эвристическую эффективность только в глобализующем смысле эсхатологической историософии.

Термины и понятия, которые, по мнению Головахы-Хикс, должны быть обсуждены фольклористами, занятыми разработкой такой теории в первую очередь («текст», «культурный текст», «контекст»), увы, проблемы при этом никак не решают. Не решают просто потому, что все эти понятия не являются только понятиями фольклористики. Задаваясь же риторическим, как кажется Головахе-Хикс, вопросом, «можно ли назвать еще одну отрасль науки, в которой (после более чем полуторавекового развития) ученые не имеют единого мнения о том, что они исследуют, и скованы (или же наоборот — раскованы) отсутствием единой базовой теории и общепринятого терминологического аппарата», она ставит себя попросту в неловкое положение, поскольку на заданный ею вопрос ответ прост и библиографически доказуем: да, есть, и таких дисциплин много — это и литературоведение, и история, и социология, и философия. Можно, конечно, счесть, что все это также признак опасного кризиса внутри соответствующих дисциплин. Но мне представляется, что продуктивнее — да и просто интереснее — считаться с тем, что «кризис фольклористики» (как и «кризис» любой науки) есть естественное состояние научного познания, неизбежного к разнообразию и трансформативности социальной и культурной жизни.

В. Л. КЛЯУС

ВЗГЛЯД НА МИРОВУЮ И РОССИЙСКУЮ ФОЛЬКЛОРИСТИКУ ИЗ «ДАЛЕКОЙ» УКРАИНЫ

Статья Инны Евгеньевны Головахы-Хикс, посвященная, казалось бы, современному состоянию мировой, а по сути, американской и европейской фольклористики, в целом верно характеризует это самое состояние: размытость границ, отсутствие новых теорий, текстологическая и эдиционная беспомощность и т. д. Более того, автор раскрывает истоки этого положения дел, возлагая большую часть ответственности за него на Алана Дандеса, который в начале 1960-х гг. произвел подлинную революцию в отношении к фольклору в умах западной научной общественности, приведшую, как и всякая революция, совсем не к тем результатам, что ожидалась ее «зачинщиком». Это, так сказать, субъективная причина. Но были и, главное, остаются объективные причины, в итоге приведшие к такому представлению о фольклоре и фольклористике в Северной Америке и Европе. Собственно говоря, в странах этих двух континентов сузилось исследовательское поле для фольклористов — уровень урбанизации, технического прогресса, информационного потока, стандартизации культуры и проч. привели к исчезновению традиционного фольклора, того базового материала, на котором выросла и сформировалась наша дисциплина. При этом речь не идет о «смерти» фольклора — он вечен, как сам язык. Но современный, так называемый постфольклор в силу своего бытования и специфики форм и жанров неминуемо сталкивается и заставляет в методологии в теоретических подходах пересекаться фольклористов с представителями смежных наук и, в первую очередь, с социальными антропологами, этнологами и культурологами. Все это в конечном итоге и заставило Алана Дандеса сказать о том, что «состояние фольклористики в начале XXI века вызывает серьезные опасения и даже тревогу»¹. Это в целом и повторяет И. Е. Головаха-Хикс в своей работе.

Ситуация с традиционным фольклором в Восточной Европе, в России и, конечно же, в государствах Азии, Африки, Латинской и Южной Америки, в Австралии не-

¹ Дандес А. Фольклористика в XXI веке // Традиционная культура. 2008. № 2. С. 120.

сколько иная. Но среди них только Россия, славянские и прибалтийские страны имеют не только сохранившиеся анклавы живой традиционной культуры, но и мощные научные школы, способные вести самые разноплановые фольклористические исследования, как теоретического, полевого, так и прикладного эдиционного характера (замечу, что фольклор трудно и даже почти невозможно изучать без досконального знания языка носителей традиции). Международные съезды славистов, где фольклористика всегда занимала существенное место, Первый Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 2006 г.), а также такие проекты, как «Свод русского фольклора. Былины» (25 томов), «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (60 томов), не имеющие аналогов в мире, подтверждают это самым непосредственным образом.

Мне хотелось бы обратить внимание, что А. Дандес, авторитетнейший американский фольклорист второй половины XX — начала XXI в., по-видимому, не был знаком с российской фольклористикой, что, возможно, объясняется американоцентризмом и эпохой, с которой совпал основной период его жизни. Примечательно, что для него открытием стала фольклористика уже независимых стран Балтии, которые он посетил в 2003 г., после чего написал: «Меня невероятно обнадружила потрясающая энергия фольклористов Эстонского университета в Тарту. Я полагаю, Эстония вполне может соперничать со своей соседкой Финляндией в борьбе за звание главного центра фольклорной науки в мире на сегодняшний день. И Латвия с Литвой тоже играют важную роль в мировой фольклористике XXI века <...> В этих областях земного шара фольклористика точно не мертва»². Да простят меня прибалтийские коллеги, но без улыбки, зная то, какие работы ведутся российскими фольклористами, это читать нельзя.

И. Е. Головаха-Хикс, в отличие от А. Дандеса, хорошо знакома с фольклористикой в России. Но все же, на мой взгляд, ее статья во многом демонстрирует сегодняшнее отношение наших украинских коллег к российской науке в целом. Здесь есть и «приличествующая» велению времени уничижительная характеристика фольклористики в СССР, ведущую роль в которой (такова уж историческая правда) занимали русские ученые, и незнание современных наработок многонациональной фольклористики России, в том числе технологически инновационных проектов в области мультимедийной эдиционной практики, и недопонимание работ российских исследова-

вателей. Думается, многие из тех, кто упомянут в публикуемом тексте, не согласятся с трактовкой своих взглядов, идей и трудов. Но так нашу науку видят сегодня на Украине, и основная причина этого, по моему мнению, одна: уровень контактов между фольклористами наших стран близок к нулю, о чем можно лишь сожалеть.

Следует отдать должное автору: говоря об украинской фольклористике, И. Е. Головаха-Хикс, считает, что для нее характерен тот же диагноз, который она дает науке в целом. Но хорошо, что при этом она знакомит нас с выдающимися, по ее мнению, исследованиями, имеющими подлинно новаторский характер — речь идет о труде Александры Брицной «Українська усна традиційна проза: Питання текстології та виконавства» и проектах, которые разрабатываются в Альбертском университете под руководством Наталии Кононенко. Здесь имеется ввиду, видимо, интереснейшей интернет-ресурс «Ukrainian Traditional Folklore», посвященный украинскому фольклору Канады (<http://www.arts.ualberta.ca/uvr/>). Я полностью согласен с автором в высокой оценке этих двух работ. Правда, относительно первого И. Е. Головаха-Хикс скромно умолчала, что до выхода монографии А. Ю. Брицной, они вдвоем подготовили сборник «Прозовий фольклор села Плоске на Чернігівщині: Розвідки та тексти» (Киев, 2004), т. е. фактически ею самой много сделано в плане разработки новых эдиционных принципов для народной прозы. Относительно же работ Н. Кононенко, И. Е. Головаха-Хикс, видимо, не знает, что некоторые из них, и в частности, данный интернет-ресурс, осуществляются при участии российских фольклористов из ИМЛИ им. А. М. Горького РАН (Москва) — Е. В. и С. А. Миненок.

Вообще же, статья Инны Евгеньевны заставляет еще раз задуматься о месте и роли современной фольклористики в парадигме современного научного знания и о том, почему российскую фольклористику так плохо знают или не хотят знать за рубежом? Но главное, что в ней есть — это понимание непростого положения науки о фольклоре и стремление акцентировать на этом внимание — в этом я вижу главную ее ценность для российского читателя. Пожалуй, только обогащая друг друга идеями, методами и теоретическими подходами в изучении народной культуры, стремясь к интернационализации нашей дисциплины, мы сможем двигаться дальше, развивая фольклористику, главная задача которой, как и почти 200 лет назад, состоит в максимально полном сохранении для потомков творческого наследия народного гения.

А. А. ПАНЧЕНКО

BACK IN USSR?

Публикация статьи, которая отличается достаточно невысоким академическим уровнем, в альманахе «Традиционная культура» мне кажется не совсем оправданной. Но, раз уж редакция предложила мне высказать свое мнение по ее поводу, попробую это сделать. Надеюсь, что оно будет полезно Головахе-Хикс и подобным ей ревнителям «фольклорных традиций».

Насколько я мог понять, основная идея статьи «Современная фольклористика: к вопросу о базовой теории и новых методологических подходах в полевой работе» состоит в том, что так называемый «традиционный фольклор» продолжает существовать, а ученые, якобы декларирующие его смерть (в эту компанию попали представители довольно разных научных направлений: и С. Н. Азбелев, и К. А. Богданов, и С. Ю. Неклюдов, и В. А. Поздеев, и С. М. Толстая, и автор этих строк), занимаются спекуляцией «терминами, заимствованными из философии, психологии, психоанализа, современного литературоведения, на практике совершенно неприменимыми к фольклорному материалу». В результате этой корыстной перепродажи философских, психологических и литературоведческих понятий, а также «бессистемного и часто неумелого барахтанья в психоанализе и социологии, постструктуралистских теориях и структурной антропологии» фольклористы «не имеют единого мнения о том, что они исследуют, и скованы (или же наоборот — раскованы) отсутствием единой базовой теории и общепринятого терминологического аппарата». При этом, как полагает Головаха-Хикс, основные проблемы современной фольклористической теории по-прежнему состоят в выяснении «сущности фольклорного текста и жанра»: украинская исследовательница сожалеет, что ученые конца XX — начала XXI в. отказались от набивших изрядную оскомину дискуссий по этим вопросам и объявили их несущественными.

Наконец, что мне кажется не вполне логичным в контексте теоретического пафоса статьи, Головаха-Хикс предлагает читателям обратить внимание на сравнительно плохую разработанность вопросов фиксации и расшифровки полевых записей с учетом развития современных технических и программных средств. В связи

с этим она указывает на недавнюю монографию А. Бриццойной, где предлагается «активнее использовать метод экспериментальных записей для пополнения знания о процессе функционирования фольклорного текста и его воспроизведения»: «Область экспериментальных записей с применением современных технологий в мировой фольклористике, объявившей траур по традиционному фольклору, активно не ведется, поэтому практические наработки, посвященные вопросу сбора информации и работы с исполнителем, а также архивированию и оцифровыванию собранных материалов, являются крайне важными, если учесть, что фольклористика будет функционировать в тысячелетии совершенно новых технологических возможностей».

Мне кажется, что Головаха-Хикс не вполне понимает смысл тех теоретических дебатов, в которые она вторглась с очевидным полемическим задором. Собственно говоря, о «смерти фольклора» никто уже давно не рассуждает. Упомянутая работа Дандеса, написанная еще в 1960-е гг., заканчивается следующим утверждением: «фольклор в целом не возрождается и не умирает, но... *некоторые* жанры или *некоторые* формы *некоторых* жанров теряют популярность или выходят из употребления: так, например, обстоит дело с традиционными загадками или фольклорными балладами в урбанистическом американском обществе»¹. Сорок лет спустя мы обсуждаем совсем другое: я, как и ряд других коллег, полагаю, что «фольклора» — как некоторой культурной сущности — никогда и нигде не было, что речь идет лишь о термине или интеллектуальной конструкции, используемой учеными и обладающей своими сильными и слабыми сторонами, удобной либо не удобной для аналитика, занимающегося конкретными формами культуры. Надо сказать, впрочем, что утверждение Головахи-Хикс, согласно которому сегодня «фольклор активно бытует в городской и сельской среде в самых что ни на есть традиционных формах», кажется мне несколько преувеличенным. Разумеется, и в городе, и в деревне можно записать много устных нарративов, которые фольклорис-

¹ Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М., 2003. Кстати, название данной статьи Головаха-Хикс переводит как «Концептуальная деволюция в фольклорной теории». Мне кажется, что я это сделал несколько удачнее: «Регрессивный принцип в теории фольклора»

ты относят к так называемой «несказочной прозе», заговоров и апокрифических молитв или, скажем, песен, восходящих к литературной традиции XIX—XX вв., однако во время экспедиций в разные регионы России в 1990-х и 2000-х гг. я не встречал ни виртуозов-сказочников, ни исполнителей героического эпоса, ни даже нищих, поющих про «Голубиную книгу» или «двух братьев Лазарей». Допустимо, конечно, что украинские крестьяне настолько ошалели от политических баталий и перебоев с поставками природного газа, что перестали смотреть телевизор и вернулись к мифам, сказкам и эпосу, но я почему-то в это не верю.

Отказ от некритичного эссенциалистского использования понятий «фольклор», «жанр», «традиция» и других ключевых терминов фольклористики XIX — первой половины XX в. — не чья-то прихоть, а следствие длительных теоретических дебатов, о которых Головаха-Хикс, по всей видимости, осведомлена довольно поверхностно. Собственно говоря, создавшаяся в современной фольклористике ситуация — это как раз следствие активного научного поиска, а не интеллектуального упадка. Кроме того, на мой взгляд, само стремление к «единой базовой теории» и «общепринятому» (читай «обязательному») терминологическому аппарату является пережитком советской идеологии. Конечно, можно написать нечто вроде «научного катехизиса» и подвергать ostrакизму всех, кто с ним не согласен, но такой тоталитаризм никак не способствует приращению научного знания. Вообще говоря, навязчивое стремление сохранить «фольклор» в качестве смутного, но обязательного для всех «фольклористов» предмета исследования объяснимо лишь в контексте борьбы за рабочие места: в жесткой дисциплинарной идентичности нуждаются не специалисты по тем или иным проблемам, а научные администраторы, не обладающие экспертным знанием. Не существует ученых, которые занимаются «фольклором» в целом, каждый исследователь выбирает специфические материалы для своих разысканий, будь то сказки, круговые письма, политические анекдоты или размещенные в Интернете программы для онлайн-гаданий. Не так уж легко в наше время представить себе конкретную аналитическую проблему, которая потребовала бы обращения к некоей единой теории фольклора. Получается, таким образом, что «фольклористический

эссенциализм» чаще всего появляется там, где ученые вынуждены каким-то образом маскировать свое невежество или интеллектуальное бессилие. Что же до «научного разномыслия» в отношении объекта научных занятий и терминологического аппарата, то здесь я вынужден огорчить Головаху-Хикс: такое положение характерно для всех активно развивающихся гуманитарных дисциплин, существующих в демократическом социально-идеологическом контексте. Зачастую сходные ситуации наблюдаются в естественных и даже в точных науках: об этом много писали и пишут специалисты по теории и социологии научного знания.

Теперь — о проблеме фиксации и репрезентации полевых записей. Я знаю и высоко ценю обсуждаемую Головахой-Хикс книгу Брицыной, а также другие работы этой исследовательницы. Вместе с тем, я сомневаюсь в необходимости создавать какую бы то ни было единую методику полевой фольклористической работы. Специфика экспедиционной деятельности в существенной степени определяется характером фиксируемого материала, а также конкретными исследовательскими задачами. Все эти проблемы, разумеется, обсуждаются современными фольклористами и в России, и за ее пределами, но, как правило, в контексте отдельных исследовательских проектов. Здесь, разумеется, есть о чем говорить и думать, но, опять-таки, нет никакой нужды разрабатывать общие и обязательные для всех методы: то, что пригодно для записи истории о приходящем покойнике, вряд ли поможет в изучении интернет-форума.

Короче говоря, у меня создалось впечатление, что Головаха-Хикс зовет нас обратно в схоластический и предельно иерархизированный мир советской науки, где очень уютно жилось невежественным бездельникам и было крайне трудно существовать подлинным ученым. Надеюсь, что мы туда никогда не вернемся. В заключение не могу не напомнить старый советский анекдот, где говорится о чукче, не испытывающем потребности в чтении, но желающем сразу стать писателем. Я бы все же рекомендовал Головахе-Хикс начать с более внимательного и продолжительного чтения многочисленных научных работ, посвященных вопросам теории и практики современной фольклористики, и лишь после этого высказывать в печати свое мнение касательно современного состояния и путей развития этой дисциплины.